

С.И. Кормилов

«Один, как прежде...»

Лермонтов ворвался в литературу, подобно любимой им буре, с ненапечатанным, то есть вольным и вольнодумным, стихотворением «Смерть поэта», начинавшимся строкой «Погиб поэт! — невольник чести». Каждое из четырех слов этого стиха 4-стопного ямба — важная тема лермонтовского творчества. Здесь и смерть, и бессмертный поэт, и невольничество, и честь. В стихотворении эти темы не изолированы, а вытекают одна из другой. Великий поэт не мог не быть невольником чести, но жить ему пришлось в другой неволе — свете, «завистливом и душном для сердца вольного», и он был роковым образом предназначен смерти. Лермонтов, его преемник, на первых порах получил за это только неволю — ссылку.

Существовали оды «На смерть...» Черты этого жанра присутствуют в лермонтовском стихотворении, но они резко трансформированы начиная с заглавия. Акцент сделан не на самом произведении, создаваемом в память некоего достойного человека или события («на» событие), это как бы страшное событие в его объективности, чудовищный факт — Смерть поэта. Признаки оды объединены с признаками скорбной элегии и гражданской инвективы, высокой страстной сатиры. Это типично лермонтовский новаторский жанровый синтез.

Высокий стиль, необязательно классицистический, избегает житейской конкретизации. Поэт «пал» «с свинцом в груди» — традиционная формула, здесь немислимо уточнение, куда именно был ранен Пушкин. Не говорится «гроб», говорится «Приют певца угрюм и тесен», используется эмблема: «Увял торжественный венок» — и двойная эмблема: «венец терновый, увитый лаврами». Имени Пушкина нет, хотя достаточно много намеков, чтобы безошибочно определить, чья смерть вызвала это стихотворение. Если оно не названо «На смерть поэта», то тем более не должно было называться «На смерть Пушкина» (точнее, «Стихотворение М. Лермонтова на смерть Пушкина»), как его обозначили при первой публикации — в лондонской «Полярной звезде» А.И. Герцена (1856) — с приближением к разговорной речи. У Лермонтова вообще мало имен реальных людей, и это имена «высокие», в известной мере ставшие символами. В лирике Лермонтова на всем ее протяжении названо немногим более десяти имен исторических деятелей, писателей и художников: упомянуты Наполеон, Суворов, Байрон, Рембрант, Рафаэль, А. Одоевский и др. (имя Пушкина подразумевается). Не названо в «Смерти поэта» и имя антигероя — Ж. Дантеса, и имя вспоминаемого литературного персонажа — Ленского, то есть ситуация взята в предельном обобщении. Погибший герой не только поэт, а выразитель человеческого достоинства, чести, «Свободы, Гения и Славы»; «его убийца» (Лермонтов зачеркнул в черновике первоначальное «противник») — жалкое орудие ничтожной завистливой светской «толпы», которая, в свою очередь, является орудием судьбы, но судьбы, в которой отсутствует разумное начало. Бог не имеет отношения к этой судьбе, он будет судить беспристрастным судом виновных. В данном случае понятие судьбы приближается к понятию социально-исторической закономерности. Человек высокого достоинства обречен, потому что в данной среде объективно не может не вызывать зависти и ненависти. «Способна ли, в самом деле, злобствующая посредственность, для которой сам облик Поэта — зеркало ее падения, смириться с его существованием?» (В. Недзвецкий).

Поэт объективно один против всех, «один как прежде... И убит!» Войдя в этот круг, за что Лермонтов его с горечью порицает (совершенно необычный момент в жанре оплакивания), поэт сделал себя уязвимым, в конечном счете обреченным. Муки его перед

гибелью Лермонтов фактически сравнивает с муками Христа перед казнью, хотя и этого имени в стихотворении, конечно, нет. «И прежний сняв венки — они венец терновый, / Увитый лаврами, надели на него: / Но иглы тайные сурово / Язвили славное чело...» Тернии еще и лицемерно спрятаны мучителями в венке, который в античности надевали на лучших поэтов (палачи славы!). Неточная рифма *него* — *чело*, как бы менее поэтическая, чем другие, появляется именно в сцене издевательства над поэзией. С другой стороны, Лермонтов, вероятно, не считает возможным прибегать в кульминационный момент к чему-либо похожему на формальную изощренность.

Стихотворение обладает элементами сюжета, как повествовательное произведение (приближенная к реальности сцена дуэли, та же эмблематическая «сцена» мучений), и вместе с тем оно имеет форму монолога с риторическими вопросами и восклицаниями, напоминающего театральный. У Лермонтова это не редкость. Эмоциональный напор подчас подавляет роль отдельных слов и выражений. Неудачен синтаксический перенос в стихах «Вступил он в этот свет завистливый и душный / Для сердца вольного и пламенных страстей». Длинная 6-стопная амфибрахическая строка кажется не требующей дополнения («душный» вообще, а не для чего-то), в результате получается смысловой сдвиг: «вступил он в этот свет... для сердца вольного...». Не слишком удачна и словесная характеристика Ленского: во-первых, «тот певец» остается без необходимого «который», во-вторых, «неведомый» значит «неизвестный как поэт», но как литературный персонаж он очень даже ведомый.

Автор обращается, по сути, к разным «слушателям», в основном к тем, кто может ему (и Пушкину) сочувствовать, но внешне это никак не выражено, зато в двух местах («Не вы ль сперва так злобно гнали...» и заключительные 16 строк) слово автора прямо адресовано гонителям поэта. Такое оформление монолога не случайно. Мы видим продолжение неравного поединка — одного против всех. Светская «толпа» обличается трижды: в начале, ближе к концу стихотворения и в последних строках. К фигуре непосредственного убийцы автор обращается лишь один раз. «Наперсникам разврата» Лермонтов грозит Божьим судом, но свой суд над ними он уже произнес.

Им дана четкая социально-историческая характеристика: «надменные потомки / Известной подлостью прославленных отцов». «Подлые» — не только морально низкие, но и люди низкого происхождения (здесь — сравнительно низкого). Это новая, послепетровская знать, в том числе ближайшее окружение Николая I («жадной толпой стоящие у трона»). Николай предпочитал людей незнатных, которые ему были бы всем обязаны, а «обломки игрою счастья (то есть опять-таки судьбы, случая, везения) обиженных родов», которые те попрали «пятою рабскою», — отодвинутое от государственных дел, частью обедневшее родовое дворянство, из которого вышли многие декабристы, включая князей Рюриковичей. Лермонтов в принципе был первым русским поэтом, для которого честь стала понятием вполне универсальным, общечеловеческим. Его герои, не только озабоченные проблемой своего человеческого достоинства, но и борющиеся за него, — это и Фернандо в «Испанцах», принадлежащий, как выясняется, к отталкиваемому и презираемому народу, ничуть не похожий на Соломона в одновременном «Скупом рыцаре» Пушкина или на Янкеля в гоголевском «Тарасе Бульбе», это и безродные герои поэм «Исповедь», «Боярин Орша», «Мцыри», и купец Калашников. Солдат-артиллерист в «Бородине» говорит о достоинстве поколений, а не сословий. Пушкин же гордился своим шестисотлетним дворянством, для него принцип сословной чести очень важен. Литературные противники Пушкина числили его в вождях «аристократической партии» в литературе. Лермонтов, безусловно, имел это в виду, создавая последние 16 строк «Смерти поэта». Но образ поэта у него не вполне адекватен подлинному Пушкину. Жажду мести (мщенья) Лермонтов дважды упомянул в соответствии с собственными представлениями о двух последних днях Пушкина.

Стихотворение четко делится на три части. Инвективы первых 33 строк сменяются элегическим тоном следующих 23 (их меньше, но они длиннее: Лермонтов переходит с 4-стопного ямба на вольный с обилием 6-стопных стихов); в финале строк еще меньше, но вернувшаяся обличительная интонация достигает теперь особого накала. Последняя, вновь укороченная, строка определяет кровь жертвы дуэли как праведную — в противоположность «черной крови» врагов поэта.

В стихотворении, кроме образа Ленского, есть реминисценции из Пушкина и Жуковского, в том числе из стихов с упоминанием венца и чела. Такая литературность текста, по лермонтовским понятиям, ни в коей мере не ослабляет его звучание и значение.

<...>